

Могла ли экономика нэпа стать основой Индустриального проекта?

М.А. ФЕЛЬДМАН, доктор исторических наук. E-mail: feldman-mih@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9825-6650

Уральский институт управления – филиал Академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Екатеринбург

Аннотация. Социально-экономическое развитие СССР за годы нэпа, эволюция научной мысли позволили к 1929 г. выработать Первый пятилетний план народнохозяйственного строительства. Впервые в мировой истории в рамках государственного плана намечалось пропорциональное и сбалансированное развитие регионального и отраслевого потенциалов, реализация широкого круга социальных программ. Столкновение рационального и утопического курсов первой пятилетки в ходе реализации ее заданий – одна из самых драматических страниц советской истории – проходило сквозь судьбы людей. Для одних это был путь к прозрению. Для других – путь к слепому выполнению приказов. Статья посвящена выяснению ряда ключевых вопросов советологии XX века: могла ли экономика нэпа стать основой Индустриального проекта? Каким был процесс осмысления итогов первой пятилетки? Включало ли это переосмысление и переоценку пути страны в 1920-е гг.

Ключевые слова: первая пятилетка; план; СССР; промышленность; партия; нэп; экономика; Пленум ЦК; индустриализация; идеология; планирование

Историография проблемы

Утвержденный в мае 1929 г. V съездом Советов СССР Первый пятилетний план представляет собой уникальный исторический источник. Три его тома удачно сочетали в себе отраслевой спектр модернизации страны, проблемы социального характера, различные аспекты регионального развития, олицетворяя крупный шаг вперед по пути конкретизации и усовершенствования методологии планирования.

Пожалуй, с точки зрения мировой экономической науки, региональный срез был наиболее новаторским и очень тщательно проработанным, поскольку в 1926–1929 гг. Госплан уделил большое внимание разработке районных и межрайонных проблем пятилетки в рамках организационно-экономического районирования страны. В ходе ряда конференций по комплексному учету ресурсов и определению конкретных задач в рамках отраслей

и крупных экономических районов была намечена специализация краев и областей с учетом наибольшего использования их богатств и подтягивания отстающих регионов; определены перспективы межрайонного сотрудничества; разработаны прогнозы развития таких крупных экономических районов, как Урал и Сибирь. Появление в регионах собственных долгосрочных (генеральных) планов стало наглядным свидетельством успешной эволюции советской науки в годы нэпа – до известных сфабрикованных судебных процессов [История..., 1977. С. 18; Шахтинский..., 2011].

Подчеркнем: при всех недостатках, обусловленных уровнем знания ученых и специалистов, «Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия (материалы к генеральному плану РСФСР и СССР)»¹, являлся вариантом модернизации *в рамках нэповской экономики* (сочетающей государственный и частный сектор). В этом же духе был подготовлен и издан в 1930 г. «Генеральный план развития Сибирского края на период до 1949 г.», вскоре обвиненный в допустимости «мирного вращивания капитализма в социализм» и отправленный в архив [Жибарев, 1969. С. 209].

Однако в советской историографии характеристики нэповской экономики, Первого пятилетнего плана и итогов первой пятилетки на долгие десятилетия были определены формулировками из доклада генсека на январском (1933) объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) [Сталин, 1951]. Сталинский вывод об «успешном и досрочном завершении пятилетки за четыре года и три месяца» [Там же. С. 177–178] и «построении фундамента социалистической экономики» [Там же. С. 214] породил столь мощное *мифологическое пространство*, что соратники генерального секретаря ЦК ВКП(б), отвечавшие за конкретные секторы экономики, оказались «скованными одной цепью» идеологических выводов и суждений.

Историки советской эпохи находились в весьма затруднительном положении: «генеральная линия партии», связанная с Индустриальным проектом, воплощенным в Первом пятилетнем плане, могла освещаться только в восторженных тонах. В то же

¹ Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия (материалы к генеральному плану РСФСР и СССР). Свердловск: Уралплан, 1927. 113 с.

время невыполнение практически всех запланированных показателей первой пятилетки, хорошо известное руководству СССР [Хлевнюк, 2010. С. 217–218] необходимо было как-то объяснять. Вышедшая в 1935 г. большая статья И. А. Гладкова, (на тот момент работника НИИ при Госплане, а в 1970-е гг. – редактора семитомной Истории социалистической экономики СССР), стала на десятилетия «образцовым трудом» для исторических исследований создания и эволюции Первого пятилетнего плана [Гладков, 1935]. Статья прослеживала этапы становления советского планирования, связанные со съездами плановых работников СССР, разумеется, сквозь призму официальных пропагандистских установок.

Варианты пятилетнего плана («отправной» и «оптимальный»), подготовленные в августе 1928 г. работниками Госплана, безоговорочно были отнесены Гладковым к оппортунистическим, поскольку «разрабатывались при участии буржуазных экономистов и техников, которые в своих проектировках и экспертизах пытались приуменьшить ресурсы и темпы индустриализации». В вину госплановским вариантам фактически был поставлен объективизм составителей: они отталкивались только от «технических возможностей», и как следствие, «страдали органическим пороком – минимализмом». Возмущение автора (в тексте – «*работников ВСНХ и партийного руководства*») вызвали и «затухающие» темпы: 17% в начале пятилетки и 12% – в конце [Гладков, 1935. С. 112, 130].

Следует заметить, что цитируемая статья вышла уже тогда, когда Гладков хорошо знал о катастрофических последствиях курса «бешеных темпов» в 1929–1931 гг., базирующихся именно на игнорировании «технических возможностей» экономики (кадровых, технических, транспортных, технологических ресурсах), на пренебрежении к сбалансированности финансовой системы [Хлевнюк, 2010. С. 217–218]. Реальность 1931–1932 гг. продемонстрировала как затухающие темпы в промышленности, так и осознание советским руководством, включая Сталина, необходимости возвращения к научно обоснованным темпам роста.

Отталкиваясь от сталинского определения основной задачи первой пятилетки – «вытеснить до конца капиталистические элементы» [Сталин, 2010. С. 172] – Гладков с осуждением

отмечал «непростительную ошибку» команды руководителя Госплана Г.М. Кржижановского: «ни в одном варианте Госплана не была поставлена задача сокращения доли частного капитала». Более того, планировалось «привлечение частных торговцев на свою сторону» и «превращение частных торговцев в агентов государства, продававших товары по установленным государством ценам» [Гладков, 1935. С. 115, 136]. Автор статьи хотя и был современником и очевидцем событий конца 1920-х, оставил без внимания тот факт, что пленумы ЦК ВКП и в 1927 г., и в 1928 г. раз разом подтверждали курс на развитие многоукладной экономики, что и нашло подтверждение в «отправном» и «оптимальном» вариантах Пятилетнего плана. Однако поражение сторонников нэпа на апрельском (1929 г.) Пленуме ЦК означало победу приверженцев леворадикальных мер [Фельдман, 2019].

Пятилетний план народно-хозяйственного строительства, утвержденный Президиумом Госплана СССР 23 марта 1929 г., был составлен в двух вариантах: «отправном» и оптимальном». Из них, по мнению Гладкова, только «оптимальный вариант» представлял «крупный шаг по пути конкретизации и усовершенствования методологии планирования», поскольку в нем была дана не только общая установка на индустриализацию, но и намечены некоторые проблемы технической реконструкции важнейших отраслей экономики [Гладков, 1935. С. 120, 134].

Трудно сказать, понимал ли Гладков хрупкость своей позиции, когда заявлял о том, что «оптимальный» вариант Госплана исходил главным образом из «надежды на более благоприятные внешние условия в плане предоставления заграничных кредитов, внешнеэкономической конъюнктуры; снижения оборотных расходов» и т.п. [Гладков, 1935. С. 137].

Тем не менее двухвариантная модель Первого пятилетнего плана превентивно учитывала риски, тогда как одновариантный («оптимальный вариант»), продавленный Сталиным и его сторонниками, – не могла это сделать.

Однако советская историография Первого пятилетнего плана выстраивалась «по Гладкову», и даже в 1975 г., спустя сорок лет, ведущий советский исследователь индустриализации в СССР В.С. Лельчук писал о «всестороннем сталинском анализе итогов первой пятилетки» [Лельчук, 1975. С. 147]. Лишь в работе

1984 г. он взял на себя смелость заявить, что создание «основ индустриализации» сочеталось с «сужением сферы действия экономических рычагов управления», «низкой культурой труда, слабой производственной дисциплиной» [Лельчук, 1984. С. 171, 173], т.е. с масштабными явлениями, оставшимися *вне* доклада Сталина на Пленуме ЦК.

Публикация Лельчука 1984 г. только приоткрывала дверь к полю беспристрастных исследований социально-экономического развития страны. Тематика многих направлений модернизации народного хозяйства, обозначенная в трех томах «Первого пятилетнего плана» (например, достижение запланированных показателей в сфере производительности труда, рентабельности производства и др., обеспечения соответствия мировым техническим стандартам; степень выполнения запланированных задач регионального и межрегионального развития) осталась вне освещения не только в официальных итоговых документах², но и более поздних академических исследований [История..., 1977. Т. 3].

Суть и главная идея официальной оценки советской историографии Первого пятилетнего плана, начиная со статьи Гладкова, заключались в признании безальтернативности сталинского курса, ***в неспособности экономики нэпа стать основой Индустриального проекта.*** Этот подход перекочевал в новое тысячелетие и сохранился до наших дней [Есиков, 2010; Соколов, 2020].

Цель данной работы – в попытке непредвзято оценить наследие нэпа с точки зрения его вклада в развитие народного хозяйства СССР. В этой связи следует задать ряд вопросов. Во-первых, какие предпосылки для реализации Первого пятилетнего плана были созданы в годы нэпа? Во-вторых, в какой степени были использованы потенциальные возможности экономики нэпа? В-третьих, позволяла ли многоукладная экономика в СССР выполнить основные задачи Первого пятилетнего плана? Наконец, в чем заключается научное наследие Первого пятилетнего плана?

² Итоги выполнения Первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза СССР. М.: Госплан СССР, 1933. 276 с.

Дискуссии о судьбе нэпа: новый взгляд

Неоценимое значение для понимания экономической и внутриполитической ситуации в СССР на излете нэпа и в период подготовки Первого пятилетнего плана имеет пятитомник «Как ломали нэп», который можно было бы назвать иначе: «Как шло сопротивление ломке государственного курса СССР». Вышедшие в свет в 2000 г. «Введения» к пяти томам стенограмм пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг., написанные В. П. Даниловым, А. Ю. Ватлиным и О. В. Хлевнюком, представляют собой самый глубокий анализ событий политической полемики между двумя группами участников пленумов, представившие различные варианты модернизации страны [Как ломали нэп, 2000].

Анализ дискуссий на трех пленумах ЦК (в апреле, июле, ноябре 1928 г.) показывает, что глава правительства СССР А. И. Рыков и его сторонники успешно противостояли левацкому курсу, отстаивая вариант осуществления индустриализации страны и преобразования крестьянской экономики на принципах новой экономической политики [Фельдман, 2019].

Так, резолюции апрельского (1928) Пленума ЦК ВКП(б) нацеливали на продолжение нэпа как наименее конфликтного и наиболее эффективного пути модернизации страны, или, используя выражение В. П. Данилова, – «единственно реальной политики, направленной на возможно более быстрое развитие разных форм сельской кооперации от первичных форм сбытовых и закупочных до подлинно производственных» [Данилов, 2011. С. 17].

Пленумы продемонстрировали *способность части большевистского руководства к восприятию рационального пути развития экономики*; способность понять и осознать выводы ученых-экономистов, либо просто проявить прагматизм, исходя из опыта хозяйствования в регионах. ***В открытом и честном бою на пленумах ЦК ВКП(б) в апреле и в июле 1928 г. сталинизм, по сути, проиграл сторонникам сохранения нэпа.***

Доводы председателя СНК СССР А. И. Рыкова, ряда наркомов советского правительства, представителей Госплана опирались на цифры полученных или прогнозируемых доходов государства, позволяющих мобилизовать необходимые инвестиции для реализации Индустриального проекта (в качестве примера можно привести доклады «О контрольных цифрах народного хозяйства на 1928/29 г.» на Пленуме ЦК ВКП (б) в ноябре 1928 г. [Как

ломали нэп, 2000. Т. 3 С. 36–52] и доклад «О Пятилетнем плане развития народного хозяйства на 1928/29 – 1932/33 гг.» на Шестнадцатой Всесоюзной партийной конференции в апреле 1929 г.³ Ни одно из свидетельств реальных возможностей экономики нэпа, приведенных А. И. Рыковым, не было опровергнуто! ***Коренной вопрос заключался не в нехватке капиталовложений, а в их рациональном использовании.***

Невозможно было опровергнуть ни готовность банков ряда западных стран предоставить СССР кредиты, даже при осложнении дипломатических отношений – эта мысль достаточно четко прозвучала в выступлении наркома внутренней и внешней торговли А. И. Микояна на июльском Пленуме 1928 г. [Как ломали нэп, 2000. Т. 2 С. 186–186]; ни возможность масштабных закупок передовых технологий в США [Шпотов, 2013], ни эффективность использования иностранных концессий в СССР [Левин, Шевелева, 2016].

Тем не менее, используя массированный обман и фальсификацию данных, идеологические догмы о приоритете классовой борьбы, возможности партийного аппарата и закулисные интриги, Сталину и его окружению удалось на апрельском (1929 г.) Пленуме ЦК превратить механизм дискуссий во фракционную борьбу, а последнюю – в войну на уничтожение оппонентов. Проиграв в открытых и честных «боях» 1928 г., сторонники леворадикальных подходов сумели взять реванш с помощью грязных методов. В результате в проигрыше оказались не только сторонники сохранения многоукладной экономики. Пострадал Индустриальный проект, как одна из важнейших составляющих пятилетнего плана, он был практически лишен всестороннего обсуждения и проработанной экономической основы.

Принципиальным моментом (тоже оказавшимся на обочине современных исторических исследований) стало признание неизлечимости одной из «болезней» нэпа, а именно – формальный подход к провозглашенному правящей партии «режиму экономии». Между тем провал политики «режима экономии» – курса на повышение эффективности государственных предприятий [Рогалина, 2006. С. 372] – свидетельствовал не о его

³ Шестнадцатая конференция ВКП(б). 23–29 апреля 1929. Стенографический отчет. М., Политиздат. 1962. С. 36–52.

неосуществимости, а только об одном из многих исторических феноменов – упущенных возможностях. «Режим экономии» превращался в живой механизм только при углублении рыночно-административных отношений, а при абсолютизации директивных методов управления уходил в сферу нелегальных отношений.

Официально провозглашенный переход от политики «режима экономии» к развитию хозрасчетных отношений в годы первой пятилетки означал только замену близких по значению понятий, с тем же закономерным итогом⁴. *Однако неумение пользоваться механизмом – еще не означает неисправность самого механизма.*

Судьба Первого пятилетнего плана: дорога к осмыслению

Несмотря на многократные поправки, к моменту своего утверждения Первый пятилетний план представлял собой относительно реалистичный документ, предусматривавший «участие различных классов в решении задач индустриализации», равенство всех систем кооперации; понимание индивидуального крестьянского хозяйства как «сохраняющего для настоящего пятилетия своё значение главного производителя сельскохозяйственных продуктов»⁵. Все это недвусмысленно свидетельствовало о стремлении сохранить многоукладную экономику – стержень нэповского периода – при совершении качественно нового индустриального рывка, особенно в металлургии и машиностроении⁶.

Однако документ вступил в зону идеологической турбулентности, что самым драматическим образом отразилось на его целевых показателях. Если обоснованный и тщательно просчитанный вариант Госплана («Перспективы развертывания народного хозяйства») предусматривал рост промышленного производства за пятилетие на 79,5%, то утверждённый 23 марта

⁴ Шестнадцатая конференция ВКП(б). 23–29 апреля 1929. Стенографический отчет. М., Политиздат. 1962. С. 19.

⁵ Резолюции V съезда госпланов СССР // Проблемы реконструкции народного хозяйства СССР на пятилетие: Пятилетний перспективный план на V съезде госпланов. М.: Плановое хоз-во, 1929. С. 3-11.

⁶ Там же. С. 5.

1929 г. президиумом Госплана «отправной» вариант предусматривал рост уже на 134,9%, а «оптимальный» – на 179%. Более того, вместо двух вариантов пятилетнего плана, допускающих определённую гибкость хозяйственной политики, после недельного (26 марта – 4 апреля 1929 г.) обсуждения на объединённом заседании СНК и Совета труда и обороны СССР, Постановлением правительства от 23 апреля 1929 г. был оставлен только один – оптимальный [История..., 1977. С. 19].

Но и это был не предел: в июле-августе 1929 г. ЦК ВКП(б) принял несколько постановлений о дополнительном форсировании роста ряда отраслей промышленности. На этой основе в представленном в ноябре 1929 г. так называемом уточняющем варианте первой пятилетки оказались явно нереалистичные исправления в сторону увеличения показателей. Этот вариант стал «типичным примером волевого планирования, без научного обоснования и экономической аргументации» [Рогачевская, 1994. С. 325].

Только кризисное состояние советской экономики в 1930–1932 гг. заставило руководство СССР переосмыслить подходы к планированию вообще и к формированию второго пятилетнего плана в частности [Дэвис, Хлевнюк, 1994. С. 102–193]. В определённой степени это означало возвращение к материалам Пятого съезда плановых работников.

В начале 1930-х гг. в советском управленческом эшелоне sporadически возникали попытки осмысления социалистического эксперимента в городе и в деревне. В июне 1930 г. на XVI съезде ВКП(б) председатель СНК РСФСР С. И. Сырцов озвучил чудовищные цифры. «Перегибы и ошибки в ходе коллективизации только в животноводстве обернулись потерями на сумму в 3 млрд руб.»⁷. Это вполне сопоставимо с величиной средств, отпущенных на строительство новых и реконструкцию старых предприятий в 1929/30 г. (4 млрд руб., согласно варианту Пятилетнего плана, одобренному V Съездом Советов СССР в мае 1929 г.) [Как ломали нэп, 2000. Т. 5. С. 547].

Явную «информационную бомбу» содержало в себе выступление 31 января 1932 г. заместителя председателя СНК

⁷Шестнадцатый съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 июня – 13 июля 1930. Т. 1. М.: Партиздат, 1935. С. 400-403.

СССР и председателя ЦКК ВКП(б) и наркома РКИ СССР Я. Э. Рудзутака на XVII Всесоюзной партийной конференции. Низкое качество значительной части продукции советских заводов в годы первой пятилетки не было тайной для делегатов конференции. Но указать на конкретную цифру – до четверти произведенного – потребовало с его стороны большой смелости⁸. Стоимость выпущенной в 1931 г. промышленной продукции С. Орджоникидзе оценил в 11,8 млрд руб. Получалось, что «на ветер» выбрасывалось почти 3 млрд руб. Фактически член Политбюро ЦК ВКП(б) Я. Э. Рудзук оценил результат политики радикального форсирования темпов экономического роста на уровне нуля.

В результате, по обоснованному утверждению О. В. Хлевнюка, «Первая пятилетка по всем ключевым параметрам не была выполнена вообще. Провозглашенные цифры – стопроцентный рост индустриальной продукции между 1928 и 1932 гг. – были ложью. Реальные показатели были примерно вдвое меньше». Большинство целей плана даже по приоритетным отраслям тяжелой промышленности были достигнуты в лучшем случае только в годы второй пятилетки, а многие – после Великой Отечественной войны. «Производительность труда в крупной промышленности в 1932 г. даже снизилась по сравнению с 1928 г.» [Хлевнюк, 2010. С. 178–178; 206].

Итоги пятилетки были столь далеки от индикаторов, запланированных по инициативе главы партии, что у Сталина были все основания беспокоиться за свой авторитет в преддверии январского (1933) Пленума. Генсек, фактически промолчавший все одиннадцать заседаний XVII Всесоюзной партконференции в январе-феврале 1932 г., не желая вступать в дискуссию о причинах очевидных кризисных явлений в экономике, стремился не допустить никакого сравнения плановых и достигнутых показателей пятилетки и в январе 1933 г.

В этой ситуации, подводя итоги Первого пятилетнего плана, Сталин поступил весьма своеобразно. Он сравнивал полученные реальные показатели с цифрами *первого варианта* Пятилетнего плана, принятого в апреле-мае 1929 г. (т.е. варианта «правых»,

⁸ Семнадцатая конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б): стеногр. Отчет. М.: Партийное изд-во, 1932. С. 73,

им же самым осужденного за «сознательно заниженные показатели»), а не с теми, что были приняты под его давлением в 1930 г. [Верт, 1992. С. 200].

Следует заметить, что Сталин только повторил «маневр» В. М. Молотова годичной давности: на XVII Всесоюзной партконференции тот тоже связал выполнение Первого пятилетнего плана с его «оптимальным вариантом»⁹, утвержденным V Съездом Советов в мае 1929 г., т.е. до запуска процесса безудержного увеличения капиталовложений в промышленность, составившего в 1930 г. 57% сверх плана, а в 1931 г. – 80%. Тем самым глава правительства в кризисной ситуации зимы 1932 г. снял обвинение в замедлении темпов развития экономики с «правых», воспринимавших «оптимальный» вариант пятилетнего плана, как последний рубеж политического реализма.

Подчеркну еще раз: и Сталин, и Молотов неоднократно опровергали доводы о «неспособности экономики нэпа стать основой Индустриального проекта». (Об этом весь смысл Доклада Сталина на январском Пленуме ЦК 1933 г. См. также: [Кондрашин, 2014. С. 22])

Так, на октябрьском (1927 г.) Пленуме ЦК и ЦКК Сталин с удовлетворением отмечал: «это факт, что за два года мы сумели вложить в нашу промышленность более двух миллиардов рублей. Это факт, что этих вложений оказалось достаточно для того, чтобы двинуть дальше переоборудование нашей промышленности и индустриализацию страны»¹⁰.

В свою очередь председатель Совета народных комиссаров СССР В. М. Молотов, выступая 3 февраля 1931 г. на седьмом заседании Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности (уже после «коренного перелома»), заявил, что *«Новая экономическая политика создала предпосылки для мощного подъема социалистической индустрии (!) (выделено автором)*. Развертывание нашей промышленности происходило на основе нэпа, в условиях широкого

⁹ Семнадцатая конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б): стеногр. Отчет. М.: Партийное изд-во, 1932. С. 127.

¹⁰ Там же. С. 87.

товарооборота»¹¹. И далее, там же: «Осуществление задач социалистической индустриализации проводилось рычагом хозрасчета. Успехи большевистского проведения принципа хозрасчета доказаны за десять лет нэпа с достаточной убедительностью. С самого начала нэпа принцип хозрасчета был положен в основу работы госпредприятий. Иначе нельзя было бы говорить о прибылях и убытках госпредприятий, нельзя было говорить о себестоимости продукции».

Первые с весны 1929 г. в устах верного сторонника Сталина прозвучала *положительная оценка* нэпа вообще и товарно-денежных отношений в частности. Реализация Первого пятилетнего плана не противопоставлялась индустриализации, проведенной в период нэпа, а органично вытекала из нее. Эти высказывания Сталина и Молотова следует перечитать тем, кто продолжает одобрять «коренной перелом» на рубеже 1920–1930 гг.¹²

К вопросу о потенциале нэпа

Руководство СССР в январе 1933 г. было прекрасно осведомлено о темпах роста промышленного производства в годы нэпа и первой пятилетки. Если в 1926–1928 гг. среднегодовой показатель темпов роста промышленного производства составил 21,7% по всей промышленности и 26,6% – по крупной промышленности, то в 1929–1932 гг. аналогичные показатели не повысились, а снизились – до 19,25% по всей промышленности и 26,25% – по крупной [История..., 1977. С. 107].

Известно ему было и соотношение запланированных расходов и потенциальных источников накопления. Если исходный вариант Первого пятилетнего плана (в «госплановской» редакции 1927 г.) предусматривал капиталовложения в промышленность в размере 8,98 млрд руб., то в августе 1928 г. под давлением ВСНХ и лично Сталина этот показатель вырос до 14, 57 млрд [Гухман, 1928. С. 120], а в итоговой версии документа, утвержденной

¹¹ Первая Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности. Стенографический отчет с 30 января по 5 февраля 1931. М.-Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1931. С. 168.

¹² «Коренной перелом» – выражение И. В. Сталина, которым он охарактеризовал начатую в конце 1920-х в СССР политику форсированной индустриализации и коллективизации сельского хозяйства.

Пятым съездом советов СССР в мае 1929 г. фигурировала сумма в 16,4 млрд руб.¹³

При этом основную инвестиционную нагрузку несло государство. Из общего объема инвестиций Пятилетнего плана 41 млрд руб. должна была обеспечить бюджетная система, 17 млрд руб. приходилось на собственные средства предприятий, остальное – на поступления от кредитной системы, системы социального страхования, прочих источников¹⁴.

О финансовых возможностях экономики нэпа по мобилизации бюджетных средств неоднократно докладывали руководители Госплана. Так, в выступлении Г.М. Кржижановского на ноябрьском (1928 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) сообщалось о предполагаемом росте товарной продукции только сельского хозяйства за пятилетие с 2990 млн руб. до 5300 млн руб. по отправному варианту и до 6400 млн – по оптимальному [Как ломали нэп, 2000. Т. 3. С. 273]. То есть при сохранении нэповской модели сельского хозяйства, крестьянство могло за счет развития кооперации, мер по развитию сельскохозяйственного машиностроения и т.п., нарастить *товарную продукцию* на 2,4–3,5 млрд руб.

В марте 1929 г. С.Г. Струмилин отмечал, что сохранение индивидуального крестьянского хозяйства позволяло получить в виде *налогов и займов* 3,9 млрд руб., в том числе 2,1 млрд руб. от «кулаков» и 1,8 млрд – от середнячества. Около 300 млн из этой собранной суммы должно было быть перераспределено для укрепления бедняцких дворов¹⁵.

Указанные источники обеспечивали заметную часть бюджетных доходов при условии сохранения нэпа. Но были и другие. В расчетах Госплана, в документах Пятилетнего плана также фигурировали средства населения в форме облигационных займов. Судя по «Объяснительной записке к отчету Наркомфина СССР об исполнении госбюджета за 1928/29 г.», взносы трудящихся в форме займов составили 725 млн руб.,

¹³ Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 1. (третье издание). М.: Плановое хоз-во, 1930. С. 131-135.

¹⁴ Там же. С. 110.

¹⁵ Проблемы реконструкции народного хозяйства на пятилетие (пятилетний план на пятом съезде советов госпланов. М.: Плановое хоз-во, 1929. С. 159-161.

или 9% от доходов бюджета¹⁶. Материалы Первого пятилетнего плана предполагали дальнейшее использование этого вида привлечения средств в размере 2,2 млрд руб. [История..., 1977. С. 101–102].

Как видно, при сохранении главного принципа Первого пятилетнего плана (в редакции мая 1929 г.) – сбалансирования материальных и финансовых ресурсов – значительную часть необходимых средств для индустриализации должны были дать налоги на зажиточные слои населения и займы у трудящихся. Большую долю ресурсов должны были дать бюджету доходы от продажи зерна, нефти и леса.

Однако насильственная коллективизация внесла жесткие коррективы в эти планы.

Как уже упоминалось, в результате коллективизации только в животноводстве потери составили не менее 3 млрд руб., что сопоставимо с объемами инвестиций в промышленность (4 млрд – по варианту 1930 г. [Как ломали нэп, 2000. С. 547]).

Сравнение этих цифр с тем, что реально получило Советское государство от продажи зерна за годы первой пятилетки – 442,1 млн руб. – вместо 5426 млн руб. за экспорт главнейших товаров по плану [Кондрашин, 2014. С. 90] – убедительно доказывает: коллективизация не принесла необходимых для индустриализации валютных резервов.

Эти потери были возмещены за счет добровольно-принудительных займов у населения. За годы первой пятилетки по этой статье было привлечено в госбюджет 12 млрд руб. (вместо изначально запланированных 2,2 млрд). Это составило около 10% от доходов казны. Из резерва «на трудную минуту» государственные займы превратились в обильный источник плановых поступлений [Черемисинов, 2006].

К этому необходимо добавить и эмиссию банковских билетов, которая должна была по первоначальному плану составить 1 млрд руб.¹⁷, но фактически масса денег выросла с 1928 г.

¹⁶ Из объяснительной записки к отчету Наркомфина СССР об исполнении госбюджета за 1928/29 г. // Отчет Народного комиссариата финансов Союза ССР об исполнении единого государственного бюджета Союза Советских Социалистических Республик за 1928/29 г.». Л., 1930. С. 4–7.

¹⁷ Проблемы реконструкции народного хозяйства на пятилетие (пятилетний план на пятом съезде советов госпланов. М.: Плановое хоз-во, 1929. С. 456.

по 1932 г. на 4 млрд руб. [История..., 1977. С. 102]. В целом, начиная с 1930 г. денежная масса увеличивалась примерно на 45% ежегодно [Атлас, 1969. С. 254, 263].

Даже по статистическим данным, приведенным в советских источниках, становилось понятным: аккумуляция всех этих значительных средств в руках государства выдвигала на первый план задачу *рационального и умелого их использования*.

Деформация Пятилетнего плана

Если нэповский вариант развития экономики СССР можно считать эволюционным – опирающимся на имеющийся опыт и достижения прошлых лет, то отказ от него и форсированный переход к индустриализации и коллективизации означал очередную «революцию» в жизни страны: социалистические принципы развития выхолащивались в пропагандистскую оболочку для тоталитарного государства с его волонтаристскими методами управления и упрощенными подходами к решению социально-экономических проблем

Рамки журнальной статьи заставляют ограничиться только некоторыми сюжетами деформации Первого пятилетнего плана.

Как известно, первые варианты документа были сфокусированы на приоритетных **социальных задачах**, например, на сокращении продолжительности рабочей недели (с учетом укороченных предпраздничных и субботних дней) с 44,6 часов до 41,2 часов; введении семичасового рабочего дня и т.д., а «крупнейшим вопросом пятилетнего плана» было названо «обеспечение роста реальной заработной платы»¹⁸. В индустриализации руководитель Госплана Г. М. Кржижановский выделял главное направление – механизацию и автоматизацию производственных процессов. Будучи одним из первых марксистов России, Глеб Максимилианович воспринимал социализм прежде всего как возможность раскрепощения – освобождения человека от тяжелого физического труда [Как ломали нэп, Т. 3. 2000. С. 56, 59].

¹⁸ Доклад заместителя председателя Госплана Г. Ф. Гринько на пятом съезде советов госпланов «Основные проблемы пятилетнего хозяйственного плана СССР» // Проблемы реконструкции народного хозяйства на пятилетие (пятилетний план на пятом съезде советов госпланов). М.: Плановое хозяйство. 1929. С. 29-105.

В реальности большинство мер в социальной сфере носили декларативный характер, реализация других столкнулась с неожиданными трудностями. Это, в частности, показало обсуждение вопроса на июльском (1928) Пленуме ЦК: «Недостаточная организационная и техническая подготовка к проведению семичасового рабочего дня, неготовность технического персонала к столь масштабному мероприятию, в сочетании с низким квалификационным уровнем большинства рабочих, дали поразительный результат – резкий скачок объемов бракованной продукции и числа аварий на производстве» [Как ломали нэп, Т. 2. 2000. С. 306, 306].

Очевиден и утилитарный подход к реализации планов межрегиональной кооперации, поскольку развитие крупных экономических районов натолкнулось на рамки возникшей Командно-Административной системы.

Характерен пример Урало-Кузбасса, который на стадии разработки Пятилетнего плана рассматривался как единый масштабный межрайонный проект, где каждое строящееся новое предприятие создавалось не изолированно, а как часть единого комплекса [Васютин, 1932. С. 8–9].

В третьем томе Первого пятилетнего плана (май 1929) Урало-Кузбасс определялся как система сложного межрайонного сотрудничества, нацеленная на специализированное производство продукции на всесоюзный рынок. На основе обмена углем и рудой между Уралом и Кузбассом, обоснованно трактуемого как решение важнейшей из межрайонных проблем, должны были строиться четыре металлургических завода: три на Урале и один в Западной Сибири¹⁹.

Однако в целом отражение проекта в тексте документа совершенно не соответствовало ни его сложности, ни значимости для развития страны. Так, в тексте раздела «Межрайонные отношения» Первого пятилетнего плана практически отсутствовало упоминание об Урало-Кузбассе как об отдельной программе. Его краткое описание содержалось лишь в разделе «Уральская область», но фактически охватывало одну отрасль – черную металлургию – и включало схему межрегиональной и межрайонной

¹⁹ Пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Т. 3. М.: Плановое хоз-во, 1929. С. 10, 184.

специализации рудных рудников и металлургических заводов²⁰. Таким образом, слова о широком масштабе общехозяйственного и технологического комбинирования применительно к Урало-Кузбассу в годы первой пятилетки могут быть сопоставлены лишь с развитием черной металлургии.

Реализацию государственной политики по сдвигу промышленности на Восток в Первом пятилетнем плане можно проследить по такому критерию, как реальное расходование капиталовложений по регионам. Приведем такой пример. В годы первой пятилетки в промышленность Уральской области намечалось вложить 12,4% всех союзных капиталовложений²¹. В реальности промышленность региона получила 7,8%, т.е. в полтора раза меньше²².

В целом, сопоставление замысла и результата Первой пятилетки показывает, что вместо сбалансированного развития комплекса отраслей экономики произошло гипертрофированное развитие тяжелой промышленности, что признавалось и в советской историографии [Хавин, 1962. С. 196–198]. Следует отметить еще один малоизученный аспект этой проблемы: увеличение проектных мощностей ряда крупных предприятий уже в ходе первой пятилетки. Мера, зачастую не подкреплённая ни в техническом, ни в кадровом отношении, усилившая масштаб замороженного строительства после стабилизационных усилий 1933–1936 гг., но именно она в годы войны позволила нарастить выпуск оборонной продукции.

Выводы

Период советской истории, именуемый нэпом, во многом продолжил сложившиеся еще до революции 1917 г. тренды на индустриализацию, пространственное развитие, опирающиеся на достижения экономической науки. Это позволило выработать ряд вполне реалистичных вариантов Первого пятилетнего плана, обозначившего основные направления экономического развития страны, инструменты реализации, способствовавшего

²⁰ Пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Т. 3. М.: Плановое хоз-во, 1929. С. 190–196.

²¹ Там же. С. 562–563.

²² Капитальное строительство в СССР. Стат. сборник. М., 1961. С. 60.

крупномасштабному строительству новых и реконструкции старых предприятий.

Сильная деформация документа в результате вмешательства И.В. Сталина и его окружения, фактический отказ при его реализации от принципов нэпа привели к неоправданной бюджетной напряженности, неэффективному расходованию многомиллиардных средств, обнищанию деревни, и в конечном счете – гибели миллионов советских людей.

Индустриальный проект из инструмента государственной политики, первоначально ставившей приоритетом социальное благополучие советских граждан, превратился в самоцель. При этом целевая задача «в кратчайший исторический срок догнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран» решалась во многом на основе количественных показателей. В то же время социальная политика трансформировалась из основной составляющей государственной политики – во второстепенную, девальвируя само значение «социалистического» курса.

Принесение в жертву форсированной индустриализации сельского хозяйства, легкой промышленности, социальной сферы, привело к их деградации. Огромные инвестиции в закупку западного оборудования и технологий, не подкрепленные соответствующей кадровой политикой, нередко приводили к снижению эффективности производства: производительность труда падала, росла доля некачественной продукции.

Тем не менее советская экономическая наука времен нэпа привнесла в мировую копилку принципы долгосрочного планирования, основы математического моделирования в экономике, и т.д., использованные при разработке пятилетнего плана, при увязке его разделов и показателей.

Историки последних двух десятилетий хорошо потрудились над выявлением противоречий нэпа. Поиск способов преодоления этих противоречий важен не только при изучении исторического прошлого, но и в целях лучшего понимания настоящего и будущего многоукладной экономики России.

Литература

- Атлас З. В.* Социалистическая денежная система. М.: Финансы, 1969. 384 с.
- Васютин В. Ф.* Урало-Кузбасс во втором пятилетии. Основные линии развития (переработанный и дополненный доклад, прочитанный на первой Всесоюзной конференции по размещению производительных сил). М.: Советская Азия, 1932. 71 с.
- Верт Н.* История Советского государства. 1990–1991. М.: Прогресс; Прогресс-Академия. 1992. 480 с.
- Гладков И. А.* К истории первого пятилетнего народнохозяйственного плана // Плановое хозяйство. 1935. № 4. С. 106–142.
- Гухман Б. А.* К критике построений пятилетнего плана развития промышленности СССР // Плановое хозяйство. 1928. № 10. С. 120.
- Данилов В. П.* История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2 ч. Часть. 1. М.: РОССПЭН. 2011. 863 с.
- Дэвис Р., Хлевнюк О. В.* Вторая пятилетка: механизм смены экономического курса // Отечественная история. 1994. № 3. С. 92–107.
- Есиков С. А.* Российская деревня в годы нэпа: к вопросу об альтернативности сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М.: РОССПЭН, 2010. 216 с.
- Жибарев П. Б.* Индустриализация СССР – великий подвиг советского народа. М.: Изд-во МГУ. 1969. 328 с.
- История социалистической экономики СССР в семи томах. Т. 3. Создание фундамента социалистической экономики в СССР. 1926–1932 гг. М.: Наука, 1977. 532 с.
- Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928–1929 гг. В 5 томах. М.: МФ Демократия, 2000.
- Кондрашин В. В.* Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты. М.: РОССПЭН, 2014. 352 с.
- Левин М. И., Шевелева И. В.* Иностранные концессии в СССР в 1920-е: «почему расстались»? // Вопросы экономики. 2016. № 1. С. 139–158.
- Лельчук В. С.* Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М.: Политиздат, 1984. 384 с.
- Лельчук В. С.* Социалистическая индустриализация СССР и ее освещение в советской историографии. М.: Наука, 1975. 312 с.
- Рогалина Н. Л.* Индустриализация в рамках нэпа и перспективы советской модернизации. Экономическая история. Ежегодник. М.: Изд-во Ин-т рос. истории РАН, 2006. С. 366–384.
- Рогачевская Л. С.* Альтернативы первому пятилетнему плану развития народного хозяйства. Россия в XX веке. Историки мира спорят. М.: Наука, 1994. 750 с. С. 410–420.
- Соколов А. С.* Сворачивание нэпа: экономические факторы // Вопросы теоретической экономики. 2020. № 3. С. 122–129.
- Сталин И. В.* Сочинения. Том 13. Июль 1930 – январь 1934. М.: Госполитиздат, 1951. 423 с.
- Фельдман М. А.* Конец «романтической» эпохи (Дискуссия на Апрельском (1929 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) о выборе пути, форм и методов «социалисти-

ческой» модернизации) // *Общественные науки и современность*. 2019. № 3. С. 135–148.

Фельдман М. А. Дискуссии на Пленумах ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: борьба и взаимодействие социалистической Утопии и Индустриального проекта // 1929: «Великий перелом» и его последствия. Материалы XII Международной научной конференции. Екатеринбург, 26–28 сентября 2019. М.: РОССПЭН. 2020. С. 695–724.

Хавин А. Ф. Краткий очерк истории индустриализации СССР. М: Госполитиздат. 1962.

Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. 478 с.

Черемисинов Г. А. Использование резервов экстенсивного роста государственного предпринимательства в СССР (1926/27–1928/29). Экономическая история. Ежегодник. М.: Изд-во Ин-т рос. истории РАН, 2006. С. 323–365.

Шахтинский процесс 1928 г. Подготовка, проведение, итоги. В 2 кн. / Под ред. С. А. Красильникова. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2011. 994 с.

Шпотов Б. М. Американский бизнес и Советский Союз в 1920–1930-е годы: лабиринты экономического сотрудничества. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 316 с.

Статья поступила 28.10.2020.

Статья принята к публикации 02.11.2020.

Для цитирования: *Фельдман М. А.* Могла ли экономика нэпа стать основой Индустриального проекта? // ЭКО. 2021. № 3. С. 59-80. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2021-3-59-80.

Summary

Feldman, M.A., *Doct. Sci. (History), Ural Institute of Management is a Branch of the Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ekaterinburg*

Could the NEP Economy Have Become the Basis of an Industrial Project?

Abstract. The USSR's socio-economic development, as well as the evolution of scientific thought during the NEP period, allowed the development of a Five-year plan for national economic construction. The concept of the first five-year plan was extensive: for the first time in global history, the state plan outlined a proportional and balanced development of regional and sectoral potentials; a wide range of social programs. The clash between the rational and utopian courses of implementing five-year plan tasks – one of the most dramatic pages in Soviet history – passed through the destinies of people. For some, it was a path to enlightenment. For others, a path of blind order following. The paper clarifies a number of key issues in the history of the twentieth century: could the NEP economy become the basis of an industrial project? What was the process of understanding the results of the first five-year plan? Did this include rethinking and re-evaluating the country's path in the 1920s?

Keywords: *First Five-year plan; plan; USSR; industry; party; nep; economy; plenum CC; industrialization; ideology; planning*

References

- Atlas, Z.V. (1969). Socialist monetary system, Moscow. Finance. Publ. 384 p. (In Russ.).
- Cheremisinov, G.A. (2006). Use of reserves for extensive growth of state entrepreneurship in the USSR (1926/27– 1928/29). *Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik*. Moscow. Publishing house of the Institute of Russian history of the Russian Academy of Sciences. Pp. 323–365. (In Russ.).
- Danilov, V.P. (2011). History of the Russian peasantry in the twentieth century. Selected works: in 2 hours. Part. 1. Moscow. ROSSPEN Publ. 863 p. (In Russ.).
- Davies, R., Khlevnyuk, O.V. (1994). The second five-year plan: the mechanism for changing the economic course. *Otechestvennaya istoriya*. No. 3. Pp. 92–107. (In Russ.).
- Feldman, M.A. (2019). The end of the “romantic “era (Discussion at the April (1929). Plenum of the Central Committee of the CPSU (b) on the choice of ways, forms and methods of” socialist “ modernization). *Obshchestvennye nauki i sovremennost’*. No. 3. Pp. 135–148. (In Russ.).
- Feldman, M.A. (2020). Discussions at the plenums of the Central Committee of the CPSU (b) 1928–1929: the struggle and interaction of the socialist Utopia and the Industrial project. *Velikij perelom i ego posledstviya. Materialy III Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*.
- Gladkov, I.A. (1935). To the history of the first five-year national economic plan. *Planovoe hozyajstvo*. No 4. Pp. 106–142. (In Russ.).
- Gukhman, B.A. (1928). To the criticism of the construction of the five-year plan for the development of the USSR industry. *Planovoe hozyajstvo*. No. 10. Pp. 113–138. (In Russ.).
- History of the socialist economy of the USSR in seven volumes. Vol. 3. Creation of the Foundation of the socialist economy in the USSR. 1926–1932 (1977). Moscow. Nauka. Publ. 532 p. (In Russ.).
- How the NEP was broken. The transcripts of plenums of the Central Committee of the VKP (b) 1928–1929 5 volumes. Moscow. MF Democracy Publ. (In Russ.).
- Khavin, A.F. (1962). A brief outline of the history of industrialization of the USSR. Moscow. Gospolitizdat. (In Russ.).
- Khlevnyuk, O.V. (2010). Owner. Stalin and the assertion of the Stalinist dictatorship. Moscow. ROSSPEN Publ. 478 p. (In Russ.).
- Kondrashin, V.V. (2014). Grain procurement policy during the first five-year plan and its results. Moscow. ROSSPEN Publ. 352 p. (In Russ.).
- Lelchuk, V.S. (1975). Socialist industrialization of the USSR and its coverage in Soviet historiography, Moscow. Nauka Publ, 312 p. (In Russ.).
- Lelchuk, V.S. (1984). Industrialization of the USSR: history, experience, problems. Moscow. Politizdat. 384 p. (In Russ.).
- Levin, M.I., Sheveleva, I.V. (2016). Foreign concessions in the USSR in the 1920s: “why did they break up”? *Voprosy ekonomiki*. No. 1. Pp. 139–158. (In Russ.).
- Rogachevskaya, L.S. (1994). Alternatives to the first five-year plan for the development of the national economy. *Rossiya v XX veke. Istoriki mira sporyat*. Moscow. Nauka Publ. 750 p. Pp. 410–420. (In Russ.).

Rogalina N.L. (2006). Industrialization under the NEP and prospects for Soviet modernization. *Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik*. Moscow. Publishing house of the Institute of Russian history of the Russian Academy of Sciences. Pp. 366–384. (In Russ.).

Shpotov, B.M. (2013). American business and the Soviet Union in the 1920s and 1930s. La-birinty economic cooperation. Moscow. Book house “LIBROCOM” Publ, 316 p. (In Russ.).

Sokolov, A.S. (2020). Of the NEP: economic factors. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 3. Pp. 122–129. (In Russ.).

Stalin, I.V. (1951). Essays. Volume 13. July 1930 – January 1934. Moscow. Gospolit-Izdat. 423 p. (In Russ.).

The Shakhty trial of 1928 Preparation, implementation, results. In 2 books edited by S.A. Krasilnikov). (2011). Vol. 1. Moscow. ROSSPEN Publ. 994 p. (In Russ.).

Vasyutin, V.F. (1932). Ural-Kuzbass in the second five-year period. Main lines of development (revised and supplemented report read at the first all-Union conference on the placement of productive forces). *Trudy Pervoy Vsesoyuznoy konferencii po razmeshcheniyu proizvoditel'nyhsil SSSR*. Moscow. Sovetskaya Aziya. 71 p. (In Russ.).

Vert, N. (1992). History of the Soviet state. 1990–1991. Moscow. Progress; Progress Academy Publ. 480 p. (In Russ.).

Yesikov, S.A. (2010). Russian village during the NEP years: On the question of alternatives to Stalinist collectivization (based on the materials of the Central Chernozem region). Moscow. ROSSPEN Publ. 246 p. (In Russ.).

Zhibarev, P.B. (1969). Industrialization of the USSR – the great feat of the Soviet people. Moscow. MSU publishing house Publ. 328 p. (In Russ.).

For citation: Feldman, M.A. (2021). Could the NEP Economy Have Become the Basis of an Industrial Project? *ECO*. No. 3. Pp. 59-80. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-3-59-80.